

СЕМЕЙНЫЕ ПАТТЕРНЫ В ЗЕРКАЛЕ ВНУТРЕННЕЙ МЕТАФОРЫ

О. МИНЕЕВА *

“Совсем ли забыта аллегория как выразительное средство современной философией и психологией? Или же древняя аллегория всякий раз проникает в их терминологию, в имена, которые присваиваются психологическим импульсам и состояниям духа? Но может ли вообще абстрагирующий язык существовать без аллегии?”

Йохан Хейзинга, “Homo Ludens”

В статье описан случай краткосрочной проблемно-ориентированной терапии. Клиентка автора (он же – психотерапевт) претерпевала острую социальную ситуацию, требующую немедленного разрешения. Этому переживанию сопутствовали личностный кризис и тот хронологический, к которому в своем развитии подошла ее нуклеарная семья. Соответственно в ходе своей работы терапевт преследовал три цели: помощь клиентке в активизации внутренних ресурсов для решения социальной проблемы; снижение тревоги, связанной с ее личностным кризисом; содействие сепарации клиентки от родительской системы и большей адаптивности ее нуклеарной семьи. Состояние острого кризиса задало рамку короткой терапии.

Работа проводилась автором в эклектической, или интегративной, манере. В качестве основной модели для анализа случая, интерпретации происходящего и планирования интервенций использовалась теория семейной системы М.Боуэна. Базовыми принципами терапии выступили постулаты гуманистической психологии, согласно которым, в частности, терапевту приписывается роль главным образом фасилитатора. Высокий уровень тревоги клиентки обуславливал ригидную защиту на рациональном уровне, но он же способствовал необычайной яркости и лаконизму представляемых ею образов, метафор. Поэтому в качестве средств работы были выбраны техники Гештальттерапии, а также Time-Line терапии.

Автор отдает предпочтение “исторической” манере подачи материала, излагая его в той последовательности, в какой факты, семейный анамнез и события всплывали в процессе работы, длившейся на протяжении пяти сессий, по полтора часа каждая. Сама

* *О.А.Минеева* – ПМС-Центр “Юго-Запад”, Москва.

последовательность переключения фокуса внимания клиентки служит отражением процессов ее внутренней жизни.

В авторские задачи не входил строгий научный анализ случая или иллюстрация с его помощью работы терапевтических методов и техник. Цель статьи – продемонстрировать, главным образом, талантливость и компетентность клиента как в создании проблемы, так и в ее решении*.

Первая встреча

Татьяна, миниатюрная хрупкая женщина, обратилась за помощью, когда ее четырнадцатилетний сын стал уходить из дома. Он прогуливал школу, по два-три дня проводя время в подвале с компанией, не возвращаясь домой даже ночью. Как многие родители, она обратилась в консультацию с надеждой изменить своего “неправильного” ребенка. Но как многие подростки, тот сказал: “Это для тебя проблема, ты и иди!” Вот так мы и начали с ней работать.

Максим – сын Татьяны от юношеской связи. У них с мужем есть общий ребенок, тоже мальчик, пяти лет. Познакомилась она с Андреем – так зовут мужа – девять лет назад, на работе. Андрей легко сошелся с пятилетним мальчиком. Они были вполне счастливы, года через два поженились и завели второго ребенка, когда Максим пошел в школу. Вся история их нуклеарной семьи отличалась “нормальностью”: работа в НИИ, походы на байдарках с друзьями, вовремя заведенный ребенок.

“Перестройка” нарушила размеренность их жизни. Когда в НИИ перестали платить зарплату, Татьяна вспомнила о своем английском и стала преподавать. Что касается Андрея, то он отказался (по ее ироническому замечанию) “ронять себя”. Татьяна взяла на себя все семейные тяготы: зарабатывание денег, домашнее хозяйство, воспитание детей. Чем более активной и приспособленной становилась она, тем пассивнее делался муж. Некоторое время такое положение устраивало всех. Хотя Татьяна и возмущалась мужем – “маменькиным сынком”, но она уверенно чувствовала себя в роли доминирующей матери семейства и не без удовольствия ее выполняла. Когда старший сын вступил в подростковый возраст, отец попытался усилить над ним контроль, что вызвало резкое противодействие со стороны матери. По ее убеждению, муж явно предпочитает младшего “хорошего” сына старшему, а раньше просто скрывал свое истинное отношение к неродному ребенку. Не стоит удивляться, что разыгравшийся конфликт послужил толчком к резким проявлениям подросткового кризиса. Теперь ее негодование направлено на сына, который грубо отвергает попытки контроля и сдерживания со стороны родителей: “Делает, что хочет!”

* Хотелось бы здесь выразить благодарность Анне Яковлевне Варга за четко поставленные вопросы в процессе анализа случая, позволившие мне сфокусировать внимание на наиболее важных его аспектах.

Основное чувство, владеющее клиенткой, – страх. Она плачет. Все ее мысли сфокусированы на “ужасном будущем”. Стараясь расширить рамку внимания, я прошу ее рассказать о своих подростковых годах, о том, как выросли у них в семье. Оказалось, что и у нее в четырнадцать лет был бунтарский период. Именно тогда разрушились ее отношения с матерью и с тех пор так и не восстановились. Татьяна озвучивает свой детский миф об идеальной родительской семье, где ей принадлежала роль “неправильного” ребенка, – “хорошей” была ее младшая сестра. И поныне сестра, разговаривая с ней, выражает семейную установку: “Ты неправильно себя ведешь. Неуспешна. Неспособна...” Рассказывая об этом, Татьяна уясняет для себя, что в собственной семье повторяется пережитая ею в детстве ситуация отвержения. Однако она не смеет выразить обиду в адрес своих идеальных родителей. Весь ее гнев целиком проецируется на мужа, который придирами довел ее мальчика до того, что тот вынужден бежать из дома. Как обнаружится позже, под этим гневом прячется чувство вины: она не должна была навязывать своему сыну отчима, не имела права на личную жизнь. Ей следовало забыть себя и заниматься только ребенком.

К концу первой сессии клиентка полностью погружена в себя. Она как бы дрейфует в потоке Настоящего с печалью и чувством вины. На этой пессимистической ноте мы расстаемся до следующей сессии.

Вторая встреча

За минувшие три дня в семье Татьяны не произошло ровным счетом никаких перемен. Сын по-прежнему в подвале. Вид клиентки выражает горе и смирение.

Я спрашиваю, что для нее было бы выходом: “*Если бы случилось чудо, как бы выглядела Ваша жизнь?*” На секунду задумавшись, она отвечает: “Смешно... – и плачет. – Я жила бы в монастыре...” Причем, религиозного подтекста данная фраза в себе не содержит. Это, скорее, про смерть или нечто, подобное смерти. Она представляет, как живет в скиту, одна, в тишине, за крепкими стенами. Но, увы, все это невозможно, пока у нее есть семья.

Полыхающая в ней агрессия теперь направлена не только на мужа – “маменькиного сыночка”, но и на младшего сына, требующего от нее столько заботы и участия, не дающего “уйти в монастырь”. И – на себя самое: “Меня вообще не должно было быть!” Она родилась у матери слишком рано. Родители – студенты – тогда испытывали большие трудности, было совсем не до ребенка. На первом году жизни она погибала от сепсиса. Татьяна формулирует идею, что родители не хотели ее, и поэтому еще тогда она должна была умереть. Но выжила – благодаря тому, что отец дал свою кровь для переливания ребенку. На мой взгляд, этот факт свидетельствует о том, что родители (отец, по крайней мере) хотели сберечь ре-

бенка, о чем я ей и говорю... Но слышу в ответ, что вообще отец помогает ей только в самых крайних ситуациях, а в обыденной жизни мало проявляет себя. Тем не менее, выясняется, что, например, он возвращает бунтующую дочь в семью. Сглаживает остроту ее конфликта с матерью. А несколько лет спустя уговаривает сохранить внебрачного ребенка (Максима). И помогает ухаживать за ним, пока Татьяна учится.

В данный момент для Татьяны актуализирован ее подростковый конфликт с родителями. Она чувствует себя вышвырнутой из семьи, отрезанной от семейных ресурсов, лишенной поддержки. Я замечаю, что как бы ни складывались ее отношения с родителями, они дали ей жизнь. Отец – даже дважды.

“А что еще Вы можете взять из семьи, чтобы опереться на это в трудную минуту? Есть среди Ваших родных человек, который обладал нужными Вам ресурсами?” – “У нас в семье ее называли “Святая””, – отвечает Татьяна. Речь идет о тетке отца: потеряла всех в годы войны, на всю жизнь одна осталась, но сохранила доброту, отзывчивость, не озлобилась. Видно, что это очень важный для нее образ. Не зря он спонтанно всплывает первым. Данным “ресурсом” она пользуется уже сейчас. И то состояние, в котором Татьяна пришла на сессию, и метафорическое решение проблемы (уход в монастырь), которое она видит изнутри этого состояния, – из образа *Святой*. Проблема приобретает новую смысловую краску: как, потеряв все, сохранить свою душу? *Святая* – одобряемый образ, достойный пример. Татьяне легко применить его к себе, тем более что выясняется еще одна деталь – значимое *совпадение*: “перелом в 33 года”. Ее двоюродная бабушка потеряла всех в 33; ее отец отдал кровь своей маленькой дочке в 33; и теперь она, в свои 33, готова как отдать за сына кровь, так и потерять всех и свято хранить свое горе.

Для того, чтобы упрочить действующую опору в кризисной ситуации, клиентке необходимо найти еще один – дополнительный – ресурс, полярный первому, расширив тем самым рамку восприятия семейной системы. Как бы опереться на всю “корневую систему” фамильного древа.

Кто еще был в семье? Второй персонаж – прадед со стороны матери – “Федька-Бешеный”, который “делал, что хотел”. В минуты рассказа о нем голос Татьяны меняется, становится распевным. Таким голосом рассказывают сказки. Меняется и строй фразы. Похоже, она рассказывает семейную легенду. “...Их было восемь – братьев Бешеных... За них не выходили... Но прабабушка сирота была – заступиться некому”.

“Бешеный” – отрицательный герой семейной хроники. “Делал, что хотел... Вся деревня злословила – жену и любовницу в одной постели держал...” Однако отрицательный далеко не однозначно. История его жизни, щедрая на фантастические повороты в судьбе, похожа на сказку. Репрессирован в 30-х годах, в 41-м попал на фронт (в те же переломные 33 года,

кстати), дошел до Берлина, был реабилитирован, вернулся домой в родную деревню со Звездой Героя на груди. Стал известным селекционером-мичуринцем, получил Государственную премию, о нем писали в газетах. Последние годы жизни (умер он в 1977 году в возрасте 69 лет) мирно возделывает сад. Как раз в эти годы маленькая Татьяна ездит летом отдыхать к нему в деревню.

Важнейший женский паттерн этой семьи безмолвно персонифицирован в образе прабабушки-сироты. Данный паттерн воспроизводится в нескольких поколениях по материнской линии. Прабабушка-сирота одна растит дочь (бабушку клиентки). Та в 16 лет уезжает в город, где впоследствии рождает дочь (мать Татьяны), и также растит ее одна. Сама Татьяна и ее младшая сестра воспроизводят тот же паттерн. Женщине в этой семье на роду написано быть одинокой, не очень счастливой, стойкой в лишениях. Этому семейному убеждению совершенно не мешает тот факт, что социально все женщины вполне успешны. Прабабушка и бабушка имели крепкое хозяйство; мать клиентки замужем, получила высшее образование, у нее престижная работа; сама Татьяна окончила английскую школу, университет. Эта благополучная девочка из благополучной семьи всю жизнь реализовывала миф “сиротства” (“некуда податься, некому заступиться, всем должна...”). Кризис семьи и магическая возрастная веха – “33” – переключают ее на миф Геройства.

“Святая” и “Бешеный” – персонажи героической линии семейного мифа. Паттерны их поведения, ресурс их жизненного опыта как нельзя более пригодны во время больших испытаний.

На этой сессии клиентка не только выразила свой гнев в адрес родителей, но и сумела отделить их от идеальной рамки, увидев в них просто реальных людей с живым разнообразием поведения. Это дало ей решимость принять ранее отвергаемый образ Бешеного, вспомнить его как своего “дедушку”, а не только как семейного антигероя – лихого и грешного богатыря, который “в воде не тонет и в огне не горит”. Значит, можно *делать, что хочешь*, и в то же время быть нормальным человеком.

Третья встреча

Татьяна с порога сообщила мне, что ушла от мужа и переселилась в родительский дом, где теперь живет сестра со своим сыном.

Я пришла в ужас (*делает, что хочет!*) и мысленно стала искать свои ошибки. Но сейчас, задним числом, вижу, что она поступила наиболее эффективным для решения семейной проблемы образом. Действительно, отношения Татьяны с мужем были отягощены проекциями ее собственных отношений с родительской семьей. Уйдя в дом своего детства, она смогла выстроить отношения с семьей – в лице сестры, носительницы семейных правил и установок, – заново. Физически заняв свое место в родном доме,

она психологически утвердила себя в качестве *старшей сестры* (не *сироты*), которая знает, как ей должно поступать в ее жизненных обстоятельствах, и может *делать, что хочет*, сохраняя при этом упорядоченность своей жизни.

Все это случилось позднее, а сейчас, на третьей сессии, клиентка охвачена гневом на мужа. На этот раз из-за себя, а не из-за сына. “Маменькин сынок! Я все делаю, зарабатываю. Фактически, я – мужчина в семье, я – отец ребенка”. Она в упоении от эмоциональной близости с сестрой, от слияния, которого она никогда прежде не знала. Само по себе ее поведение можно определить как дисфункциональное, но в аспекте семейной *системы* оно сыграло позитивную роль.

Присоединившись к своим родовым ресурсам, она каким-то немислимым образом присоединяет к ним и сына. Максим, достойный наследник Бешеного, возвращается с собственной “войны” тоже своего рода героем. Доминантный мальчик сам ушел из подвала, где ему предлагали наркотики, и увел с собой троих друзей. Он возвращается к матери. И тут, к великому смущению сестер, детишки начинают “делить наследство”. Они задают вопросы, чья будет дача, кому принадлежит то или это... “У нас проблему денег никогда не обсуждали, собственность не делили. Откуда у них это? Мы никогда в жизни не задавались такими вопросами! Как на это реагировать?”

Похоже, мальчики очерчивают внутрисемейные границы. Все их вопросы дают понять, что слиянию не быть. Они утверждают, что здесь не одна семья, а две. Сестрам пора сепарироваться.

Что же касается мужа Татьяны, то, оставшись без мамочки-жены, он вполне справляется с жизнью, с воспитанием шестилетнего сына. Пассивность, ведомость были навязаны ему женой, исходя из внутренних установок *сироты*, которая со всем в ее жизни вынуждена справляться сама. Вспомнив о своей мужской роли, он заодно припомнил, почему женился на этой девушке. И начал активно за ней ухаживать заново, что пошло на пользу ее дальнейшей сепарации от родительской семьи.

Парадоксальным образом “дисфункциональное поведение” клиентки активизирует конструктивное поведение мужчин, что в целом способствует восстановлению семейной системы. Любопытно, что подобно ее отцу в прошлом, муж и сын проявляют активность только в кризисной ситуации. Остальные периоды жизни отданы на откуп женщине.

Эти системные процессы завершатся позднее. А пока нашу третью сессию я заканчиваю со смущением, чувствами вины и страха перед будущим. Поскольку в ходе этой сессии я была включена (“триангулирована”) в эмоциональную систему родительской семьи клиентки, вероятно, подобным образом я переживаю процесс сепарации последней. Клиентка же (как

подросток) радостно погружена в Настоящее, полное новых чувств и приключений.

Четвертая встреча

Клиентка говорит, что видела минувшей ночью сон. И только это она и хочет обсудить. На лице у нее тревога.

Сон:

“Я стою на ступенях замка. Серого, огромного, холодного, острием крыши уходящего в облака. На лужайке возле воды играет ребенок. Он похож на моего младшего сына, но я точно знаю, что это – старший, Максим. Он играет и не замечает, что вот-вот сползет в глубокую канаву с темной водой. Я вижу это, но не могу двинуться. Я в ужасе, но одновременно хочу, чтобы скорее все кончилось...”

– Я гублю своего сына? Он тонет, а я бросаю его и занимаюсь собой! – Татьяна плачет... Ее сон выразителен, лаконичен и многозначен, как произведение художника.

Природе сновидений свойственны множественные уровни значений в едином сюжете (Тейлор, 2000). И, соответственно, строить гипотезы и работать с ним можно, опираясь на различные подходы. Исходя из того факта, что за истекшую неделю ничего катастрофического в семье Татьяны не произошло, а, напротив, все члены семьи успешно решают сами свои проблемы, не требуя от нее проявлений героизма, я делаю предположение, что возросший уровень тревоги связан с тем, что прежняя идентификация клиентки вошла в противоречие с ее новым состоянием, новыми целями. Поэтому я выбираю подход гештальт-школы, согласно которому все в сновидении (каждый персонаж, ситуация, обстановка, каждый оттенок света, мысли и чувства – словом, *все*) является представлением аспектов личности и внутренней жизни сновидца. Эта предпосылка логически приводит к основному инструменту в работе со сновидениями, разработанному гештальт-школой, – сновидческому гештальт-упражнению. Используя активное воображение, это упражнение заставляет сновидца многократно пережить свой сон как живую фантазию наяву – с точки зрения персонажей или элементов сна*.

Выбрав этот путь, я отсекаю важную тему, касающуюся взаимоотношений в нуклеарной семье, – амбивалентность ее отношения к младшему сыну, которого она действительно “бросила”. Не зря клиентка так “легко” и поспешно утверждает, что мальчик из сна – не он, а старший. Эта тема вызывает большое сопротивление. Зато мать с готовностью погружается в

* Согласно Й.Хейзинге (1992), слово “представлять” по своему происхождению значит “ставить что-то перед глазами”. Воображаемое, т.е. “как будто” осуществленное, выраженное в образе, вызывает реальные сильные чувства, хотя “обыденная” реальность при этом не вытесняется из сознания. Сон клиентки, описываемый ниже, рассматривается как аллегорическое описание ее идентификации.

чувство вины по поводу Максима, дела которого к этому моменту вполне уладились и который вовсе не собирается “тонуть”.

Мне кажется, что в короткой терапии подобные потери неизбежны. В случае длительной работы мы могли бы вернуться к сновидению позднее, интерпретируя разные его пласты.

Работа со сном

Все элементы сна – это части личности сновидицы. Мы ставим стулья для каждого элемента и три – для нее: для той Татьяны, которая хочет спасти ребенка, для другой – жаждущей, чтобы все скорее кончилось, и для той, что видит этот сон. Она по очереди садится на каждый из стульев, давая имя той части, с которой в данный момент отождествляет себя.

Сновидица.

Огромный замок.

Ребенок.

Добрая.

Злая.

Канавка теперь обретает свое подлинное имя: “*Бездонные темные воды*”.

Сновидение превращает в метафорические образы чувства, ощущения, мысли клиентки, семейные паттерны. Причем, в ее восприятии яви и сна легко можно обнаружить пары противоположностей.

Замок, уходящий в небо, не впускающий людей, – *Бездонные воды*, затягивающие, поглощающие;

Доброе Я – Злое Я.

Такие же контрасты и в семейной истории:

“Святая” – “Бешеный”;

Сиротство – Социальная успешность;

Хрупкость (физическая) – *Героизм* (как воплощение героического мифа в собственной жизни) и т.д.

Напрашиваются интерпретации, но я предпочитаю дать слово самим элементам.

Когда все они обозначены, я прошу Татьяну погрузиться в желания каждого из названных элементов. Все хотят тишины и покоя, кроме *Ребенка*, который поглощен игрой и хочет ее продолжения, не ведая о грозящей ему опасности, и *Доброй*, которая порывается его спасти. *Злая* получает новое имя – *Усталая*. Злости не испытывает ни одно из действующих лиц или элементов сна. *Замок* отстранен, холоден и непригоден для жизни. *Воды*, хотя и намерены поглотить ребенка, но лишь затем, чтобы “сохранить, укрыть его на дне”. Все, и *Ребенок* в том числе, спокойны. Одна *Добрая* страдает и боится. Только ей необходимы изменения. Однако вся ее энергия замкнута на *Усталой*. Клиентка на этом стуле дрожит и плачет, ею владеет чувство безнадежности, беспомощности.

Следующая ступень работы со сном – трансформация. В основе этой работы лежит гуманистический принцип: “Все, что существует в психике, имеет для личности позитивное значение и цели”.

Следовательно, для разрешения внутреннего конфликта необходимо найти место и дело для всех персонажей сна.

Трансформация метафоры не служит ниспровержению “плохих” персонажей или элементов, как и разрушению семейных мифов. Скорее, она направлена на улаживание отношений между сложившимися мифами, поиск своего рода баланса в целостной картине, созданной воображением клиента. Цель работы – найти свое особое место всему, что составляет личность клиента. Для этого необходимо выявить другие части личности, ресурсы которых могут помочь переформированию внутренней реальности клиента. “Всегда есть дополнительный элемент, который намекает на конечное единство этих кажущихся противоположностей в единственной всеобъемлющей реальности” (Тейлор, 2000).

Я спрашиваю Татьяну, было ли еще что-либо в этом сне, о чем пока не говорилось. Что-то важное... Татьяна – на стуле самой *Сновидицы*. Помолчав, она говорит: “Пожалуй, только небо... *Бескрайнее синее небо...*” Наверное, только образ *Бескрайнего синего неба* и может уравновесить *Бездонные темные воды*, составив подлинно архетипическую пару, на фоне которой в мрачном, отчужденном *Замке* теряется всякая необходимость.

Моя задача – помочь Татьяне освободиться от той зависимости, в которой ее удерживает героический миф. Я выражаю мнение, что *Замок* относится к себе с неадекватным уважением. “В сущности, – намеренно снижаю я патетику образа, – это ведь просто большой дом, построенный людьми, причем в данный момент мало пригодный для жизни.” После этих слов я предлагаю клиентке перестроить, преобразовать *Замок* таким образом, чтобы *Ребенок* мог играть, находясь в полной безопасности: *Усталая* получила бы возможность отдохнуть, а все другие части личности могли бы найти в новой реальности свое место. Короче, задача сводилась к тому, чтобы ландшафт сна стал более пригодным для жизни. Татьяна поступает, как Кромвель (наверное, сказалось обучение в английской школе), приказавший в свое время разрушить все замки аристократии до второго этажа. Она начинает описывать широкий двухэтажный дом, окруженный парком (*именно так при участии Кромвеля стали выглядеть английские замки*). “Здесь много комнат. Каждый в этом доме может делать, что хочет. И надо всем – ясное голубое небо”.

Вновь я прошу ее побыть каждым элементом и ответить, как он чувствует себя, хорошо ли перенес произошедшую трансформацию, доволен ли преобразованием. Тут я обнаруживаю, что *Бездонные темные воды* отсутствуют в новой картине. Я спрашиваю, что с ними случилось, и клиентка мстительно

замечает, что закрыла их бетонным колпаком, и намерена каждый вечер проверять, нет ли трещин на крышке!

Здесь нас подстерегает ловушка, о которой упоминает Джереми Тейлор (*op.cit.*). “При гештальт-работе с архетипическим ... персонажем..., – подчеркивает он, – упражнение иногда выбивает человека из колеи, а бодрствующая личность либо несоразмерно раздувается ... либо теряет центр тяжести и ориентиры (что является результатом неспособности сохранить чувство самоидентичности в этом потоке)”.

Я предлагаю клиентке побыть запертыми *Бездонными водами*. Она категорически отказывается, настаивая, что отныне в ней больше не останется этой страшной части. Тогда я буднично осведомляюсь, чем же она собирается поливать сад, и разве не нужен ей водопровод в доме. Татьяна соглашается взять часть воды для этих целей, отмечая, что будет строго контролировать мощь ее потока и количество. Затем идет еще на одну уступку себе: в парке она устраивает бассейн, выложенный голубым кафелем, широкий и мелкий (чтобы *Ребенок* не утонул). Меня смущает, что она лишает себя глубины, но, в конце концов, это ее метафора. Я лишь прошу Татьяну побыть *Бездонными водами* под колпаком. Она ложится на ковер в позе эмбриона и лежит долго, минут двадцать, с закрытыми глазами, ровно и глубоко дыша. Я чувствую, что происходит что-то очень важное. “Мне хорошо, – наконец, произносит она... – Тут так тепло и спокойно...” Потом встает и спрашивает: “Мне больше не приходиться?” У меня тоже – чувство полной завершенности. Я не решаюсь говорить: после такого переживания слова кажутся лишними. Но все же прошу ее прийти еще раз.

Последняя встреча

Она принесла мне котенка – заморыша. Ее породистая кошка окотилась, всех разобрали, а этот – совсем плохонький. Если я не возьму, то она его *утопит*. Мне жаль котенка, он совсем маленький, меньше ладони, и тоненько пищит. Только я персов не люблю. Но я не решаюсь сказать ей об этом прямо (после предыдущей сессии я Татьяну побаиваюсь и уважаю), а произношу отговорку, что моя собака не потерпит кошки в доме. И это действительно так. (Спасибо тебе, Джим!) То, что я делаю затем, сильно отдает сумасшествием. Я хожу по Центру и уговариваю сотрудников взять котеночка. “Настоящий перс. Родители – чемпионы. Окрас – шиншилла. Совершенно бесплатно. Надо счастья своего не понимать, чтобы не...” Однако люди счастья своего не понимают. Не сразу, но наступает минута, когда я начинаю спрашивать себя, чем я, собственно, занимаюсь. И если даже *это* с большой натяжкой можно назвать терапией, то какое решение будет полезным: вернуться ни с чем, продемонстрировав, что я не могу решать ее проблемы, или показать свою компетентность еще и в пристраивании котят? Мне ничего не остается, кроме того, чтобы выбрать

первый вариант. Я возвращаюсь с позором, демонстрируя свою несостоятельность в решении ее проблемы, и вижу огромное удовлетворение на лице клиентки. Она сообщает мне, что приняла решение. Она выходит котенка, зато отдаст кошку.

Я спрашиваю о семье и узнаю, что жизнь входит в свою колею. Максим угомонился, вернулся в школу, сдал “хвосты”. С мужем она встречается. Домой еще не вернулась, но собирается, причем не из чувства долга, а потому, что ей хорошо с Андреем, этот мужчина подходит ей. Пока хочет пожить отдельно, видясь с мужем на свиданиях, вне быта, и принимая, как когда-то, его ухаживания.

Что же касается кошки, то она не хочет держать двух. Взрослую чемпионку знакомые возьмут, а заморыша она уж сама вырастит. Я спрашиваю, не жалко ли кошку. Татьяна говорит, что кошка – не своя, ее два года назад ей отдали. Я поражена сказанным. Два года и все – не своя! Но воспринимаю это отчасти как послание себе. Я – кошка интересного окраса, но чужая. А своего котеночка (свою жизнь) она сама вырастит. С учетом такой интерпретации между нами и происходит прощание – окончательная сепарация.

Однако, возможно, что, как и во сне, в сообщении присутствует еще один план. Клиентка признается, что не умеет заботиться о двоих сразу. Унаследованный ею опыт семейных отношений не содержит в себе эффективной модели семьи с двумя детьми. Эта тема могла бы стать главной в последующей работе с Татьяной. Но уже не в жанре короткой терапии.

ЛИТЕРАТУРА

- Тейлор Джереми. Работа со сновидениями. М., 2000.*
Хейзинга Йохан. Homo Ludens. М., 1992.